

ОБРАЗ Л.Н. ТОЛСТОГО В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Статья посвящена изучению образа Л.Н. Толстого в русской культуре начала XX века. Используя в качестве материала философские трактаты и произведения изобразительного искусства, автор сопоставляет предложенные в них трактовки духовных исканий Л.Н. Толстого, выявляет общее и различное между ними. Узловой темой статьи является отношение Л.Н. Толстого к церкви и к учению Христа.

Ключевые слова: образ Л.Н. Толстого; изобразительное искусство; философия; церковь; бессмертие.

Начало XX века в Российской империи ознаменовалось величайшей по своему масштабу и значимости трагедией – смертью Л.Н. Толстого. Деятели культуры тотчас же отозвались на это событие, стремясь осмыслить роль Толстого в истории русской культуры и общественной жизни России с помощью разных жанров – с одной стороны, в литературных памятниках, публицистических трудах и религиозно-философских трактатах, с другой стороны, визуализируя и запечатлевая его жизнь в кадрах кинохроники, на полотнах художников. Это позволило создать цельную картину жизни и творчества Толстого с самых разных точек зрения.

Центральная проблема настоящей работы – анализ того образа Л.Н. Толстого, который формировался в культуре императорской России в последние годы жизни великого писателя и в первые годы после его смерти. Для воссоздания этого образа во всей его многогранности привлекаются и материалы философских работ, написанных в память о Л.Н. Толстом, и посвященные Л.Н. Толстому художественные произведения.

Данная работа выполнена в русле нового направления исторической науки – изучения истории памяти. Одним из главных сценариев культурно-антропологического поворота в науке стал возрастающий интерес к истории памяти. Историки начали обращать внимание на то, какие образы того или иного события хранятся в коллективной памяти людей, чтобы с их помощью реконструировать ценностные установки изучаемой эпохи, её цели и идеалы сквозь призму времени. Поскольку в последние годы в отечественной науке возрастает интерес к изучению духовных исканий Л.Н. Толстого, его взаимоотношений с церковью, его роли в формировании идейного климата России начала XX века (исследования К.Г. Исупова,

* © Пурыгин А.Е., 2016

Пурыгин Андрей Евгеньевич, аспирант кафедры Российской истории, Самарский государственный национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, e-mail: apurygin@rambler.ru.

Я.А. Гордина, П.В. Басинского [9, б, 2]), изучение образа Л.Н. Толстого, сложившегося в памяти его современников, представляется актуальной научной задачей.

Среди философов начала XX века, обращавшихся к изучению духовных исканий Л.Н. Толстого, можно особо выделить нескольких: В.В. Зеньковский, В.Ф. Эрн, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев были крупнейшими представителями русской религиозной философии, тесно сотрудничавшими с издательством «Путь». Поэтому и о творчестве Толстого они размышляли со сходных позиций. В 1912 г. этим издательством был выпущен сборник «О религии Льва Толстого», авторы которого задались целью критически проанализировать противоречия между толстовством и христианской религией. Признавая Толстого носителем духа христианского откровения, все авторы сборника находят его призвание в религиозном пробуждении современного общества. Для понимания глубины и сложности противоречий, возникших у составителей сборника, кратко проанализируем основные работы.

В.В. Зеньковский в своей работе «Проблема бессмертия у Л.Н. Толстого» поднимает самые важные в антропологическом и культурном значении вопросы о жизни и смерти, бессмертии души и её уходе в мир иной. Зеньковский делает вывод, что к религиозному миропониманию Толстой пришёл лишь тогда, когда понял, что жизнь может иметь смысл лишь в том случае, если он не отрицается и не погашается смертью [7, с.32]. Основным вопросом, определившим всё дальнейшее мистическое развитие Толстого, был таков: «есть ли в человеке связь с бесконечным?»

По учению Христа, как его толкует Толстой, «бессмертны не отдельные личности, а человечество, сознавшее себя сыном Божиим, – оно восторжествует над всеми и будет восстановлено в Боге» [7, с.35]. Бог, проявляющийся в разумном сознании каждого, постепенно всё шире раскрывается в человеке, и когда ему становится тесно в пределах личности, человек умирает, а та высшая жизнь, которая раскрылась в нём, продолжает развиваться в других формах. Бессмертие потому не связано с личностью, оно безлично: бессмертно в нас разумное сознание, любовь ко всему живому, тот универсальный разум, который может раскрыться в нас [7, с.46].

Однако толкование Толстым учения Спасителя о бессмертии, с точки зрения Зеньковского, не может нам дать ответы на вопросы о смысле жизни и ценности индивидуальной личности и души. Зеньковский делает вывод, что религиозная жизнь Толстого и его проповеди есть суровый урок всем нам как пример великого человека, отвернувшегося от учения Христа и разрушившего христианство в своих основах. Зеньковский объясняет почитание многими его современниками Толстого за истинного последователя Христа упадком религиозного самосознания [7, с.58].

С.Н. Булгаков в работе «Простота и опрощение» исследует кризис жизнепонимания в мирозерцании Толстого. Он считает, что главные произведения Толстого приводят его к одному стремлению – уйти из города, из культуры, сесть на землю, опроститься, слившись с земледельческим лю-

дом в труде, в религиозном осмыслении жизни, в свободе от дурмана цивилизации [5, с.114]. Этот мотив опрощения был главным и самым искренним в душе и сердце Толстого. Своего Бога Толстой нашёл у народа, и пытался в поклонении народу принять народное православие. Религия и опрощение поэтому сливаются для него неразрывно [5, с.119].

Другой мотив опрощения у Толстого содержится уже в его собственном вероучении, основанном на его своеобразном истолковании Евангелия. Для него учение Христа имеет самый простой, практический смысл для жизни каждого отдельного человека. В учении об опрощении Толстым ставится и обостряется проблема христианского аскетизма. Толстой является здесь выразителем нового христианского сознания, носителем новых тревог и исканий, которые все сосредотачиваются около проблемы христианской культуры [5, с.141].

В.Ф. Эрн в своей работе «Толстой против Толстого» выдвигает гипотезу, что есть два Толстых: «Толстой природный и Толстой искусственный» [13, с.217]. Первый Толстой – богоданный, в своем величии приподнимающийся над Наполеоном Бонапартом, над войнами и историей, парящий в недостижимой высоте своего художественного гения, смеющийся над разумом и его предрассудками. Второй Толстой – искусственный, это персонаж толстовского романа «Воскресение» князь Нехлюдов, пытающийся разрушить то, что он сам создал, возводящий культ холодного рассудка, над которым он сам смеялся. Этот Толстой – холодный, рассудочный, лишенный живого тепла, жестокий и беспощадный в своей разумности. Нехлюдовский разум совершенно ничтожен перед духовными силами иного порядка, которые создают непредвиденные разуму события. Свободу художественному гению Толстого дает интуиция – непосредственное видение, направленное на образы, на целокупное видение жизни.

Нехлюдов хотел бы уверить нас и весь мир, что отношение Толстого к церкви одно: отрицательно-рассудочное [13, с.231]. Но чисто художественное признание Толстым церкви первичнее, значительнее и метафизически вернее. Это мы можем проследить в детском восхищении Толстого героем его трилогии «Детство. Отрочество. Юность» юродивым Гришей, молящимся простыми, искренними словами от чистого сердца. В Толстом-художнике Гриша не мог умереть, потому что гений Толстого раз и навсегда увидел, пробудил величайшую красоту и разумность Гриши. Стихия художественная, заключает Эрн, широко открывала глаза Толстого на мир, и он видел святость и неизбежность церкви. Отвергая церковь, Толстой тем самым убивал в себе художественную стихию. И духовная трагедия этой жизни закончилась скорбной смертью.

Н.А. Бердяев в своем труде «Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л.Толстого» уверяет нас, что мироощущение Льва Толстого – внехристианское и дохристианское во все периоды его жизни [4, с.177]. Бердяев подчеркивает заслугу Толстого в том, что он с небывалой силой, как никто другой до него, стремится исполнить до конца все моральные заповеди. Он поставил всех нас перед вопросом: имеем ли мы право на жизнь, когда

вокруг нас страдают другие? И все люди с чуткой совестью горячо откликнулись на этот призыв Толстого. Бердяев делает вывод, что именно толстовский анархический бунт пробудил нас от религиозной спячки и предвещает грядущее христианское возрождение [4, с.194]. Он очистителен и праведен в своих основах, и значение его огромно. Без него не стал бы так остро вопрос о жизненном назначении христианства, о том, как проявлять чуткость и человеческое участие к людям.

Все авторы сборника, признавая Толстого великой фигурой в жизни XIX столетия, отмечают его раздвоенность: величие и трагедию как художественного гения, равного которому доселе не знало человечество, и скудность, однобокость, посредственность его религиозной публицистики. Однако они признают, что как проповедник, своей жизнью и поступками Толстой был велик, он научил нас заповеди непротивления злу насилием, научил любить мир и бескорыстно делать людям добро, и в его уходе отражается масштаб трагедии его личности, это – религиозное знамение, имеющее высший смысл.

Образ Л.Н. Толстого в культуре создавался не только с помощью слов, но и с помощью визуальных средств – живописи, кинематографа.

Толстой был дружен со многими художниками, создававшими его портреты, многочисленные иллюстрации к его произведениям. Наиболее достоверными и крепкими были дружеские отношения Л.Н. Толстого и И.Е. Репина, продолжавшиеся тридцать лет. Самый известный портрет Толстого Репин создал в 1887 году, всего за три сеанса. Ему удалось запечатлеть на полотне те черты Толстого, какие записал он в плане задуманной, но не написанной им статьи о Толстом: «Вырубленный задорно топором, он моделирован так интересно, что после его, на первый взгляд, грубых простых черт, все другие покажутся скучны» [11, с.78]. В портрете чрезвычайно знаменательно сочетание обобщенности трактовки образа с конкретностью облика писателя, порой граничащей с иллюзорностью [10, с.94]. Великолепна и его картина «Лев Толстой на пашне». Репин в своих воспоминаниях описал, как создавались подготовительные материалы к картине и какой жизненный факт отобразил он. Репин пишет: «Шесть часов, без отдыха, он бороздил сохой чёрную землю... Великий оратаюшка методически двигался взад и вперед, прибавляя борозды. Менялись только тени от солнца да посконная рубаха его становилась все темнее и темнее, особенно на груди, на лопатках и плечах от пота и черноземной садившейся туда пыли» [12, с.394-395]. Репинские портреты Толстого знаменовали важные для того времени тенденции развития русской живописи: стремление к эпичности, монументальности и к пленэрности. Эпичность образа Толстого выступала для Репина как некие крестьянские черты, самим Толстым в себе культивируемые [11, с.81].

В те годы в России бурно развивался совершенно новый для того времени жанр – кинематограф. Первым художественным фильмом, снятым о Льве Толстом, был фильм Якова Протазанова «Уход Великого старца». Сюжет фильма должен был раскрыть обществу тайные причины ухода великого

старца из Ясной Поляны и отобразить взаимоотношения Толстого с крестьянами и самым близким окружением. Сценарий к фильму написал Исаак Фейнерман под псевдонимом Тенеромо [1, с.73]. Ставить фильм поручили режиссеру Якову Протазанову. Протазанов быстро определил краеугольный стержень фильма: раз сюжет граничит с документальностью, значит, нужно документальнейшее сходство. Актер на роль Толстого был подобран удачно: на съемках в Киеве люди не отличали В. Шатерникова, взятого на эту роль, от самого Л.Н. Толстого. Режиссер сумел одной из узловых тем фильма сделать потусторонние видения Толстого и закончить фильм метафорической сценой: Христос на небесах принимает Толстого в свои объятия [1, с.74].

Фильм вызвал неоднозначную реакцию: члены семьи и друзья Толстого, приглашенные режиссером на предварительный просмотр, назвали фильм клеветой и надругательством над памятью Толстого. Нашлись и защитники фильма, называвшие его главной сенсацией года и шедевром кинохроники [1, с.74]. Однако фильм вышел в прокат только за границей.

Очерчивая образ Л.Н. Толстого, сложившийся в российской культуре в последние годы императорской России, мы можем прийти к выводу, что все – и философы, и художники, и кинематографисты, – при всех различиях в трактовке данного образа стремились найти точки соприкосновения друг с другом. Узловыми темами для них были духовные чаяния Толстого, стремление понять и отобразить его путь, найти примирение с церковью и со Христом, разрешить неразрешимые противоречия между Толстым-художником и Толстым-мыслителем. Главное отличие трактовки образа Толстого представителями изобразительного искусства от понимания его образа философами состоит в том, что последние пытались рационализировать духовные искания Толстого сквозь призму философских обобщений, а художники и кинематографисты стремились запечатлеть образ и душу Толстого в проникновенно-творческом поиске, используя художественные приемы создания образа. Искусство оставило для нас память о жизни Толстого в более яркой и выразительной форме.

Библиографический список

1. Аннинский Л.А. Лев Толстой и кинематограф. М.: Искусство, 1980.
2. Басинский П.В. Святой против Льва. М.: АСТ, 2013.
3. Бердяев Н.А. Ветхий и Новый завет в религиозном сознании Л.Толстого // О религии Льва Толстого. М.: Путь, 1912.
4. Булгаков С.Н. Простота и опрощение // О религии Льва Толстого. М.: Путь, 1912.
5. Гордин Я.А. Ничего не утаю, или Мир погибнет, если я остановлюсь [История великой утопии]. СПб.: ЗАО «Журнал «Звезда»», 2008.
6. Зеньковский В.В. Проблема бессмертия у Л.Н.Толстого // О религии Льва Толстого. М.: Путь, 1912.

7. И.Е. Репин и Л.Н. Толстой. Переписка в 2-х томах. Т.1. М.; Л., 1949.
8. Исупов К.Г. Чары троянского наследия // Лев Толстой. Pro et contra. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000.
9. Капланова С.Г. Портреты Толстого в русском дореволюционном и советском искусстве // Л.Н.Толстой и изобразительное искусство. М.: Изобразительное искусство, 1981.
10. Милотворская М.Б. Толстой и Репин // Л.Н.Толстой и изобразительное искусство. М.: Изобразительное искусство, 1981.
11. Репин И.Е. Далекое-близкое. М.: Искусство, 1949.
12. Эрн В.Ф. Толстой против Толстого // О религии Льва Толстого. М.: Путь, 1912.
13. Яков Протазанов. Сборник статей и материалов. М.: Госкиноиздат, 1948.

Andrey Purygin

THE IMAGE OF LEO TOLSTOY IN RUSSIAN CULTURE IN THE EARLY XX CENTURY

The article contains the study of the image of Leo Tolstoy in Russian culture of the early 20th century. The author compares the interpretation of Tolstoy's spiritual quests in the philosophical works, paintings, and cinema, reveals similarities and differences between the interpretations. The main theme of the article is the attitude of Leo Tolstoy to the Church and the doctrine of Christ.

Keywords: image of Leo Tolstoy, arts, philosophy, church, immortality.